

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Усова Дмитрия Андреевича «Репрезентация политического режима римской империи в художественном дискурсе эпохи Августа и Юлиев-Клавдиев», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки)

Проблематика, к которой в своей диссертации обращается Д.А. Усов, вне всякого сомнения, относится не просто к популярной, но, можно сказать, ключевой для понимания существенных характеристик того в высшей степени своеобразного государственно-политического устройства, которое именуется принципатом, а выбранные автором подходы, методология и ракурсы ее рассмотрения находятся в русле новейших исследовательских направлений и поисков. По словам видного британского антиковеда Джона Энтони Крука, «... труды знаменитых литераторов эпохи Августа — это обширное поле боя, и немногие историки достаточно компетентны, чтобы стать более чем наблюдателями в схватках, которые на нем разыгрываются. Сегодня среди литературоведов преобладает тенденция рассматривать эти сочинения как насквозь политические, считать их либо пропагандой политического режима, либо более или менее скрытым сопротивлением ему, видеть в них провозглашение либо “августовских ценностей”, либо ценностей “альтернативного общества”. Данный материал историки тоже неизбежно должны рассматривать как центральный, а не второстепенный, хотя вследствие этого они еще острее ощущают, что все свидетельства охватить невозможно» (Крук Дж.Э. Политическая история, 30 г. до н. э. – 14 г. н. э. // Кембриджская история древнего мира. Том X: Империя Августа 43 г. до н.э. – 69 г. н.э.: в 2-х томах / под ред. А.-К. Боумана, Э. Чэмплина, Э. Линтотта; пер. с англ. М., 2017. С. 96).

Действительно, диссертант не просто смело вступает на «это обширное поле боя», но и расширяет его, обращаясь к римской литературе пост-августовского времени, и не только уверенно чувствует себя в работе с обширным массивом сложных и разнообразных по жанрам художественных текстов и еще более объемной научной литературой, им посвященной, – но находит и формулирует значимые проблемы, на основе проницательного анализа и предлагает их нетривиальное решение и в целом весьма убедительно обосновывает собственную оригинальную концепцию взаимосвязи литературно-художественного дискурса и политической практики в начальный период истории Римской империи, что позволяет проникнуть в глубинные аспекты мировосприятия римлян того времени и ментальные факторы трансформации общества и государства. Хочется сразу отметить, что представленная диссертация – исследование высокого уровня, свидетельствующее о профессиональной зрелости автора, его обширной историографической эрудиции, отличной языковой и филологической подготовке, которая имеет первостепенное значение для работы над выбранной

темой, поскольку ее ядром является художественный дискурс как такая форма репрезентации образа императора и его правления, которая отражает важные компоненты картины мира римского гражданина и вместе с тем выступает как один из факторов становления и функционирования политического режима принципата.

Во Введении, в котором четко изложены все необходимые пункты, Д.А. Усов на основе квалифицированного анализа обширнейшей историографии темы, вычленяет проблемные и недостаточно изученные моменты, а именно взаимосвязь трех центральных для литературного дискурса понятий *lex, ius* и *libertas*, и формулирует цель своего исследования – рассмотреть их как на особые мыслительные категории, позволяющие подступиться к мироощущению и политическому сознанию, римлян периода институционализации новой модели политических отношений (с. 8). Следует отметить конкретность и содержательность методологического раздела Введения, где дается вполне адекватная характеристика ключевого для проблематики диссертации понятия репрезентации, дискурса, методов семантического, контент- и дискурс-анализа, подходов истории понятий, в частности, идей Квентина Скиннера (с. 65), также продуктивно задействованных в диссертационном исследовании. Главной же методологической основой является *политико-антропологический подход*, при котором феномен властных отношений понимается как явление по преимуществу информационное, сущность политической власти не отделяется от её внешнего образа, складывающегося в процессе символической коммуникации между государственными структурами и различными социальными группами. Такой ракурс, по мнению диссертанта, позволяет «абстрагироваться от пресловутого вопроса политических симпатий литераторов и под новым углом подступиться к их пониманию политической системы принципата, сосредоточиться на функциях и сущностных чертах императорской власти в рамках художественного мира и тем самым выйти на проблему политического сознания римского гражданского коллектива переломной для его культуры эпохи» (с. 61). Это именно то направление в исследованиях системы власти в Римской империи, которое в настоящее время развивается, пожалуй, с наибольшей интенсивностью и дает действительно интересные новые результаты. Поэтому лишь отчасти можно согласиться с утверждением о том, что «в целом репрезентация политической власти, как кажется, всё ещё занимает маргинальное положение в классических исследованиях» (с. 66). Напротив, в новейших исследованиях властных отношений в Римской империи эпохи Принципата это стало ведущим трендом, и совокупность опубликованных в самые последние годы трудов дает все основания говорить о «репрезентативном повороте» в изучении императорской власти (в числе новейших см., например: Christoforou P. *Imagining the Roman Emperor: Perceptions of Rulers in the High Empire*. Cambridge, 2023; *Representing Rome's Emperors: Historical and Cultural Perspectives through Time*

/ ed. C. Davenport, S. Malik. Oxford, 2024; Davenport C. Talking about the Caesars: How Romans Imagined their Emperors. Yale University Press, 2024; Hekster O. Caesar Rules: The Emperor in the Changing Roman World (c. 50 BC–AD 565). Cambridge, 2023; Beard M. Emperor of Rome: Ruling the Ancient Roman World. Liveright Publishing, 2023; The Emperor's Qualities and Virtues in the Inscriptions from Augustus to the Beginning of Constantine's Reign: "Mirrors for Princes"? / Ed. A. Gangloff. Leiden–Boston, 2022; Gangloff A. Pouvoir imperial et vertus philosophiques: l'évolution de la figure du bon prince sous le Haut-Empire. Leiden–Boston, 2019. Из более ранних можно назвать: Noreña C.F. Imperial Ideals in the Roman West: Representation, Circulation, Power. Cambridge, 2011; The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476), Rome, March 20–23, 2002 / Ed. L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols. Amsterdam, 2003).

Обзор основных источников выполнен квалифицированно, компактно и емко, что является очень непростой задачей, если учесть, что о каждом из рассматриваемых авторов, от Вергилия и Горация до Лукана и Петрония, написаны сотни и сотни исследований. Говоря о дополнительных источниках, важных для учета философского, художественного и исторического контекста, автор перечисляет произведения от «Илиады» Гомера до «Римской истории» Кассия Диона. Но этот перечень можно было бы расширить за счет, скажем, сочинений самого Августа, Николая Дамасского, Диона Хрисостома и др. Кроме того, следовало бы упомянуть и более активно использовать в работе нумизматические материалы, поскольку на монетных выпусках рассматриваемого периода фигурирует *Libertas* (например, денарий Клавдия с изображением ее персонификации и легендой *Libertas Augusta* (RIC I, 113). Иногда, как, скажем, на некоторых монетах Калигулы и Гальбы, Траяна и Адриана, *Libertas* явно связываются со свободой от налогов и таможенных пошлин, освобождением от налоговых долгов (см. Elkins N.T. *Libertas and Freedom from Financial Burdens in the Reigns of Trajan and Hadrian* // *American Journal of Archaeology*. 2021. Vol. 125.2. P. 223–245). И такое официальное понимание *libertas* было бы небезынтересно сопоставить с тем, какое обнаруживается в художественном дискурсе.

Диссертация имеет хорошо продуманную, соответствующую решаемым задачам структуру, включающую четыре главы, разделенные на параграфы, в названиях которых автор уместно использует метафоры, помогающие емко указать на суть изучаемых феноменов. Каждый раздел завершается четко, часто афористично сформулированными выводами; столь же ясно сформулированы и положения, выносимые на защиту, и общие итоги исследования в Заключение. Текст написан очень хорошим академическим языком, безукоризненно грамотно и, можно сказать, стильно. Квалифицированно используя (в силу самого

предмета исследования) литературоведческие, филологические методы, диссертант не упускает основной, собственно исторической перспективы, удачно вписывает результаты анализа художественной, образной стороны изучаемых текстов в исторический контекст и вносит важные нюансы в понимание репрезентации и восприятия императорской власти, видя в дискурсе художественных произведений специфическую форму коммуникации между обществом и главой автократического государства.

Не пересказывая содержания работы, отметим наиболее важные и интересные, на наш взгляд, наблюдения и выводы диссертации. Это прежде всего выявление в ранних сочинениях Вергилия и Горация идеи деполитизированной свободы, которая могла послужить одним из факторов успешного утверждения политического режима принципата. Интересными представляются идеи о деконструкции стратегии Вергилия и Горация в творчестве Овидия и Проперция, об ограничении пространства свободы преимущественно внутренним миром человека у Манилия, Федра и Сенеки, о гедонистической парадигме свободы у Кальпурния и автора Эйнзидельнских эклог; об отражении в произведениях нероновского времени разрыва государственной власти с идеями закона, права и политической свободы, в чём обнаруживается имплицитный критический комментарий к правлению Нерона. Все эти выводы и результаты, безусловно, заслуживают внимания и могут быть применены в дальнейших исследованиях истории Рима эпохи империи.

Следует, однако, сказать, что некоторые из заключений автора диссертации, правильные по существу, всё же следовало бы подкрепить более основательной аргументацией. Так, автор полагает, что представления, выраженные в сочинениях поэтов Августа века, легли в основу реального поведения первого принцепса, что «в действительности ни активная завоевательная политика Августа, ни его не менее усердная судебная деятельность никак не вытекали из обладаемых им формальных полномочий – проконсульского империя и потестас народного трибуна» (с. 250). Действительно, эти сферы деятельности Августа не вытекали из его статуса, но они могли мотивироваться многими другими факторами прагматического и идеологического характера (например, таким как *imitatio Alexandri* или военно-политическими соображениями). Чересчур категорично и слишком обобщенно звучит вывод о том, что «правитель Рима вёл себя в **строгом** соответствии с выдвинутой общественными силами стратегией репрезентации его власти...» (с. 251). Если бы это было так, то мы не знали бы о фактах императорского произвола и аморализма, поведенческих эксцессах, вопиющем лицемерии и т.д. Да, некоторые императоры считались с общественным мнением, выстраивали репрезентацию своего властвования таким образом, что их имидж соответствовал общественным ожиданиям. Но о строгом соответствии говорить не прихо-

дится. Ведь на той же странице автор отмечает, что «элегики создают устойчивое впечатление враждебности императора лежащей в основе легитимности его власти идее свободы, тем самым имплицитно изображая правителя Рима жестоким тираном».

Д.А. Усов приходит к интересному выводу, что образ Нерона как «подражающего божеству поэта, участника всевозможных досуговых состязаний и, прежде всего, музыканта, чьё творчество... поддерживает в государстве свободу – но уже не столько как безопасность или непорочность, сколько как возможность гедонистического потребления...», служил «легитимации столь непривычной для римлян модели поведения первого политика Рима» (с. 255–256). При этом, по его мнению, создававшие такой образ поэты реагировали на уже устоявшееся поведение Нерона и установки официальной идеологии. С этим тезисом можно в целом согласиться, но вызывает возражение, опять-таки как слишком категоричное, утверждение диссертанта о том, что «апелляция к этой репрезентации предоставляет куда более убедительное объяснение специфики поведения Нерона, чем пресловутая ссылка на особенности его характера. В первом случае мы имеем дело с вполне научным объяснением рассматриваемой проблемы, тогда как во втором – с объяснением через свойственный бытовому дискурсу здравый смысл. Принцепс вёл себя как музыкант прежде всего потому, что того, опять же, требовали коллективные представления о свободе, а не одна лишь натура молодого правителя» (с. 256). В данном случае всё же не стоило бы умалять роль личностного фактора и следовало бы учесть специфику императорского филэллинизма, который у Нерона приобрел гипертрофированный вид, но обуславливался, в конечном итоге и в значительной мере, теми масштабными культурно-историческими процессами, которые делали принципат греко-римской империей.

Продолжая критическую часть отзыва, выскажем еще несколько замечаний частного и полемического характера.

1) Не очень удачной представляется терминология, использованная автором для обозначения некоторых разновидностей дискурса и составляющих их понятий. Это прежде всего такие категории, как «авторитарный дискурс свободы», или «авторитарная свобода». Как явствует из изложения, речь, по сути, идет о понимании свободы в условиях авторитарного режима, но выражение «авторитарная свобода», вынесенное в заголовок трех параграфов главы 1 и поясненное на с. 84 как «непротиворечивая мировоззренческая парадигма», звучит как оксюморон и, скорее, вводит в заблуждение. Можно также спорить, насколько удачен термин «элегическая свобода», которым обозначается понимание *libertas* в сочинениях Овидия (глава 2.2). Здесь автор, констатируя у Овидия использование слов *liber* и *libertas* преимущественно на бытовом уровне, правильно оговаривает, что «к поиску политических коннотаций в бытовых сюжетах стоит подходить с осторожностью» (с. 133),

но в итоге проведенного анализа заключает: «неявно сформулированный поэтом концепт свободы, помимо прочего, имел вполне определенное политическое содержание, ориентированное молодое поколение римлян на сопротивление государственному вмешательству в их частную жизнь...» (с. 137). В этой мысли есть рациональное зерно. Но всё же не стоит забывать, что литература (тем более лирическая, любовная поэзия) – это больше игра, чем реальная жизнь или агитационный материал. К тому же никаких фактов такого сопротивления, тем более связанных с влиянием поэзии, не приводится. Возможно, нечто подобное усмотрел в творчестве Овидия император Август и поэтому отправил его в ссылку, но об этом можно судить только гипотетически.

2) Натяжкой звучит мысль автора о том, что частым использованием слова *liber* («книга») в своих «ссылных» произведениях Овидия «довольно ловко обыгрывается тема свободы и её связи с городом Римом» (с. 141).

3) Не очень уместным кажется использованием понятия «духовная свобода», к которой якобы приближается Клавдий в погребальной песни из «Апоколокинтосиса» благодаря качествам мудреца (*cordatus homo*) и воина (*fortiori*; ср. с. 190: «образ духовно богатого, близкого к разуму и, возможно, даже внутренне свободного правителя») (с. 189). Концепты «духовность» и, соответственно, «духовная свобода/ духовное богатство» вряд ли можно обнаружить в римских текстах.

4) В названии главы 3 «Принципат после Августа: система с внесистемным принципом» смущает слово «внесистемный». Не очень понятно, кто из Юлиев-Клавдиев подразумевается под таковым. В литературе, насколько я могу судить, такого эпитета никто из них не удостоивался, хотя в определенном смысле «внесистемным» можно назвать Нерона. По мысли автора, таковым является царь в понимании Сенеки: такой царь «оказывается за рамками формальных институций, за рамками системы принципата как таковой», поскольку его судейские полномочия и царские прерогативы противопоставлены друг другу (с. 196). Сенеку, считает автор, больше «занимает конструирование новой стратегии поведения принцепса – как добродетельного царя, выбивающегося из повседневной рутины и формальных правил системы принципата» (с. 203). Но остается непонятным, какие именно формальные правила и институции имеются в виду.

5) Объект своего исследования (с. 58) автор обозначает как «репрезентация политической власти в Римской империи», но в заглавии диссертации вынесена «репрезентация политического режима», т.е. более широкое понятие, ибо политический режим включает в себя не только собственно властные отношения и структуры, но и социокультурные аспекты, политическую культуру в ее антропологическом измерении. Кроме того, судя по са-

тому содержанию работы, следовало, на наш взгляд, добавить в объектно-предметную область такое понятие, как «восприятие», поскольку рассматриваемые художественные тексты скорее дают представление о том, как власть, ее носители и различные аспекты новой политической реальности (режима) воспринимались самими литераторами и теми социальными группами, которые они представляли, а также о том, как авторы реагировали на саморепрезентацию режима. Впрочем, сам же диссертант, говоря о цели работы, указывает, что обращается к проблеме специфики восприятия системы принципата простыми жителями Римской империи и ниже на с. 62 более конкретно определяет предмет своего исследования как «историю политического воображения римского общества эпохи институционализации авторитарной власти».

б) Автор часто употребляет слово «непорочность» как одну из «ипостасей» *libertas* наряду с миром и безопасностью (с. 67, 114 и т.д.). Но это, на наш взгляд, не очень удачное слово. Оно, во-первых, не имеет прямого соответствия в источниках, а во-вторых, в русском языке означает не столько отсутствие пороков (что, судя по всему, подразумевает автор), сколько целомудрие с христианскими коннотациями.

7) Возможно, исследование автора приобрело бы большую глубину, если бы его результаты, полученные на основе анализа художественных текстов, были последовательно сопоставлены с данными других источников, тех же монет (о чем сказано выше), «Деяниями божественного Августа», сочинениями римских историков (из которых фактически привлечен только Кассий Дион). Не стоит забывать, что *Libertas* была центральным, программным элементом официальной идеологии Августа, который стремился предстать как *liberator, vindex libertatis* (из недавних работ, где этот вопрос рассматривается, см.: Havener W. *Imperator Augustus. Die diskursive Konstituierung der militärischen persona des ersten römischen princeps*. Stuttgart, 2016. S. 49 f.; 84 f.; 243–249, с источниками и литературой).

8) Наконец, сомнение вызывает толкование призыва Горация в хрестоматийных строках из 37-й оды I книги: *Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda tellus* «нужно выпить вина и свободной ногой ударить оземь» (Od. I. 37. 1–2). По мнению автора, выражение «свободная нога» следует понимать как свободу от ножных кандалов, символизировавших порабощение внешним захватчиком. Но в сочетании с *bibendum* оно скорее указывает всё же на состояние опьянения.

Довольно большое количество замечаний, возникших при знакомстве с работой, тем не менее свидетельствует в ее пользу как действительно оригинального, интересного по своим результатам и замыслу исследования, имеющего хорошие перспективы для продолжения и все основания, чтобы быть изданным в формате монографии. Диссертация импо-

нирует своим историко-филологическим характером, историографической фундированностью, самостоятельностью мысли, умением проникнуть в скрытые глубины изучаемых текстов и через выявленные в них нюансы выйти на собственно историческую реальность. Диссертация выполнена на очень высоком научном уровне, отличается аргументированностью изложения, обладает внутренним единством и значимой научной новизной, вносит оригинальный вклад в разработку важной и актуальной темы, предлагает обоснованные решения по ряду дискуссионных вопросов и представляет собой законченное самостоятельное исследование. Работа имеет достаточную степень апробации в докладах и публикациях автора. Содержание автореферата соответствует тексту диссертации. Неправомерных заимствований нет. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки). Таким образом, диссертационное исследование соответствует критериям, установленным в пп. 9–11 и 13 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 26.10.2023 № 1786). Усов Дмитрий Андреевич заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира и Средних веков
Институт международных отношений и мировой истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
Махлаюк Александр Валентинович

15.05.2024

Адрес места работы: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории
Сайт: <http://www.unn.ru/>
Тел.: (831)4623243; e-mail: imomi@imomi.unn.ru

Махлаюко А.В.
Ученый секретарь ННГУ
Л.Ю. Черноморская
Тел. 462-30-21